

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №2, Том 12 / 2021, No 2, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/09SCSK221.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Напсо М.Б. Вызовы и угрозы цифровой реальности: к вопросу о реализации принципов равенства и справедливости // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/09SCSK221.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Napso M.B. (2021). Calls and threats of the digital reality: to the question on realization of principles of equality and justice. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/09SCSK221.pdf> (in Russian)

УДК 316.7

ГРНТИ 04.51.35

Напсо Марьяна Бахсетовна

ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Черкесск, Россия
Профессор кафедры «Гражданско-правовых дисциплин»
Доктор юридических наук, доцент
E-mail: napso.maryana@mail.ru

Вызовы и угрозы цифровой реальности: к вопросу о реализации принципов равенства и справедливости

Аннотация. В современных условиях, что подтверждают многочисленные социологические опросы, официальная статистика и официальные заявления, проблема преодоления бедности, социальной несправедливости и неравенства имеют актуальный характер, не только проецируясь на мир виртуальный, но и усугубляясь его вызовами. В силу несомненного научного интереса проблематики реализации принципов равенства и справедливости в условиях цифровой эпохи автор рассматривает ее с различных точек зрения: (1) в единстве с проблематикой бедности и имеющих к ней непосредственное отношение правовых категорий прожиточного минимума, минимального размера оплаты труда и налогообложения лиц, его получающих; (2) с точки зрения возросшей потребности в изомии и социальной справедливости; (3) в реалиях информационного и пропагандистского бума, коронавирусной пандемии, углубляющегося цифрового неравенства; (4) во взаимосвязи категорий справедливости и истинности, подлинности, достоверности, в частности, производимой, хранящейся и распространяемой в Интернете информации; (5) в контексте морально-нравственных аспектов онлайн- и офлайн-жизни; (6) через призму проблематики законодательного закрепления содержания принципа справедливости. По мнению автора, возросший запрос на изомию и справедливость является следствием того, что бедность, различные формы неравенства и множественность проявлений социальной несправедливости в физическом пространстве воспроизводятся в пространстве виртуальном. Цифровое неравенство в условиях всепроникающего присутствия Интернета во всех сферах социальной и личной жизни, широчайших возможностей цифровых технологий, признания цифровой экономики в качестве магистрального курса развития, а цифровых умений и навыков — главными качествами индивида чревато массой последствий, свойственных жизни за бортом сформировавшегося тренда. Принимая во внимание и иные проблемы цифровой эпохи, имеющие непосредственное отношение к понятию справедливости, а именно: оторванность

информации от реальности, правдивости, достоверности, а также деградацию морали, снижение ее регулятивной функции, размывание моральных и эстетических регуляторов поведения — автор приходит к выводу о том, что решающее значение в такой ситуации приобретает право, основанное на приоритете принципа справедливости, что актуализирует проблему законодательного закрепления содержания принципа справедливости. Автор убежден, что наиболее целесообразным вариантом законодательного закрепления принципа справедливости является его формулирование в общеправовом виде в Конституции РФ и в конкретизированном — в отраслевом законодательстве. Опираясь на актуальные вопросы правотворчества и правоприменения в области налогообложения и пенсионного обеспечения, он приводит аргументы в пользу такого подхода.

Ключевые слова: цифровая эпоха; информация; цифровые права; цифровое неравенство; пандемия; бедность; равенство; изомомия; справедливость; принцип справедливости; справедливое налогообложение; справедливое пенсионное обеспечение

В цифровую эпоху жизнь индивида, общества, государства усложняется по той простой причине, что протекает в двух пространствах — физическом и виртуальном. И одним из самых серьезных вызовов становится обеспечение в каждом из них качества жизни, безопасности, доступности услуг, законности, действия базовых принципов равенства и справедливости, запрос на которые не только не снижается, а, наоборот, растет.

И в XXI веке, как ни парадоксально, главной проблемой на пути повышения качества жизни становятся бедность, экономическое неравенство, характеризующееся чудовищным разрывом между богатыми и бедными и усугубленное цифровым неравенством. Уже второй год подряд Президент РФ В.В. Путин в своем Послании Федеральному собранию указывает на растущую актуальность проблемы снижения уровня бедности, которая после заметного снижения количества бедных от 40 млн до 15 млн, опять пошла в рост¹. В зависимости от используемых методик оценки статистические данные будут различаться. Применение монетарного принципа позволяет говорить о 19–20 млн граждан РФ, живущих за чертой бедности, которой признается доход ниже прожиточного минимума, — этим подходом пользуется Росстат. Расчеты по депривационной модели, «методу лишений» [1], увеличивают число бедных почти вдвое, доводя число бедных до четверти [2] населения РФ.

В современных условиях подход, при котором статистика формируется, исходя из расходов человека, а не доходов, предпочтительнее во многом по причинам, связанным с цифровизацией. Жизнь в онлайн-среде, работа и общение в дистанте требуют качественных девайсов, доступности Интернета в любой местности, надежных Интернет-платформ, развитых умений и навыков в работе с ними, а значит, многообразия доступных обучающих сервисов. Доступ к цифровым услугам зависит от материального благосостояния, наличия достаточного свободного времени и ресурсов, чтобы приобрести навыки цифрового существования, совершенствовать и развивать их. Несостоятельный индивид стеснен в деньгах, большую часть своего времени вынужден тратить на их обретение; не имея свободного времени, он не располагает возможностями для самообразования, и поэтому не может в полной мере воспользоваться благами «цифры»: бедность, экономическое неравенство в физическом пространстве воспроизводятся в пространстве виртуальном, где, как и в реальной жизни, услуги будут ранжироваться в зависимости от покупательской способности от элитных до ширпотреба. Если учесть, к примеру, тот факт, что в период пандемии коронавируса сотни

¹ Послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному собранию. 20.02.2019 г. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>.

тысяч детей во многих странах мира были лишены возможности учиться онлайн из-за материальных трудностей и стоимость оргтехники в силу повышенного спроса в среднем выросла на 10–20 %, можно предположить, что в скором времени по социальным картам будут приобретаться по сниженным ценам (или получать бесплатно) не только товары, но и Интернет-трафик, стоимость которого также неуклонно растет, как и сокращается сегмент бесплатно предоставляемых сервисов и сайтов. Таким образом, цифровизация не устраняет ситуацию бедности, а усугубляет ее, наличие возможности прикоснуться к жизни богатых или виртуально примерить ее на себя не снижает остроту ее ощущения, а лишь обостряет осознание несправедливости мироустройства. Хотя в условиях, когда онлайн-товары и услуги будут стабильно более низкими, вполне вероятно возникновение ситуации с точностью до наоборот: пользование виртуальными сервисами станет признаком бедности в силу удорожания офлайн-услуг или их перехода в разряд элитных.

Необходимость учета не только доходов, но и расходов весьма актуальна и для системы налогообложения, механизмы которого задействуются в первую очередь для решения проблем бедности, но несколько иначе, чем нам представляется. Традиционно речь идет о всякого рода налоговых льготах². При этом практически упускаются из виду следующие обстоятельства. Во-первых, чертой, определяющей бедность, является прожиточный минимум, размер которого напрямую зависит от состава потребительской корзины, изменяемого один раз в пять лет и до сих пор не учитывающего расходы, связанные с цифровизацией. Во-вторых, в зависимости от размера прожиточного минимума поставлен минимальный размер оплаты труда (МРОТ). В-третьих, несмотря на тот факт, что МРОТ — это минимум оплаты, исходящий из минимума потребления, он тем не менее является налогооблагаемой базой для налога на доходы физических лиц (НДФЛ) со ставкой в 13 %. При этом доходы в виде дивидендов и процентов, выводимые в так называемые оффшорные «транзитные» юрисдикции, облагаются по ставке в 2 %, и лишь недавно внесено предложение ее повышения до соответственно 15 % и 20 %, для чего РФ заявила о денонсации двусторонних договоров об избежании двойного налогообложения с рядом стран (Кипр, Люксембург, Нидерланды). В-четвертых, уплата налога с МРОТ ведет к снижению реального дохода, который становится ниже прожиточного минимума, в результате чего миллионы получателей МРОТ попадают в разряд бедных.

В силу масштабности этого явления социологи выделили новый вид бедности [3], получившей название «работающей бедности», или «бедных рабочих». И хотя бедность «бедных рабочих» не имеет характера абсолютной бедности и «ближе к бедности, которая по большей части принимает форму нужды или недостаточной обеспеченности». По их мнению, именно бедность работающего населения превалирует в РФ, создавая уникальную ситуацию: индивид пребывает в состоянии бедности даже при наличии работы (что может длиться годами): работа, являющаяся главным средством борьбы с бедностью, уже не является таковой. Это вынуждает индивида искать дополнительные источники заработка в ущерб своему здоровью, свободному времени, необходимому для отдыха, самообразования, самовыражения и т. д., что так востребовано цифровой эпохой. В результате он оказывается за ее бортом, формируя социальный слой цифровых маргиналов.

Серьезность проблематики требует принятия комплекса мер, в том числе и налогового характера. На наш взгляд, налоговая база для НДФЛ должна определяться не из чисто полученных доходов, а с учетом расходов на удовлетворение жизненно необходимых

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 "Послание Президента Федеральному Собранию" от 15 января 2020 г. Электронный ресурс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/; Обращение Президента России от 25 марта 2020 г. "Обращение к гражданам России" Электронный ресурс. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73693387/>.

потребностей. Очевидно, что для определения величины этих расходов наилучшим образом подойдет прожиточный минимум при условии адекватного отражения в нем стандартов потребления, соответствующих реалиям времени. Действие в налогообложении принципов всеобщности, равенства и справедливости не позволяет прибегнуть к использованию категорий субъективной бедности и субъективного понимания первоочередных потребностей. Механизм определения налоговой базы с учетом расходов не так сложен, тем более что есть понятие дискреционного дохода. Применительно к налогообложению он будет представлять собой разницу между полученным доходом и прожиточным минимумом, которая и подлежит обложению налогом на доходы физических лиц. Эффект от такой новации будет кратным, если в дополнение к введению дискреционного дохода в качестве налоговой базы перейти от пропорциональной системы налогообложения к прогрессивной. Аргументация С.Г. Пепеляева звучит весьма убедительно: «Теоретически дискреционный доход представляет собой разницу между совокупным доходом и доходом, который расходуется на удовлетворение первоочередных потребностей. Именно дискреционный, а не совокупный доход определяет истинную платежеспособность лица. Естественно, что с ростом доходов уменьшается доля жизненно необходимых затрат ... и возрастает доля дискреционного дохода. Нетрудно заметить, что при пропорциональном обложении совокупного дохода менее состоятельный плательщик несет более тяжкое налоговое бремя, чем состоятельный, поскольку доля свободного дохода у него меньше, а доля налога, выплачиваемого за счет этого свободного дохода, выше»³.

Как видим, пропорциональное налогообложение совокупного дохода без учета расходов на жизненно необходимые нужды делает бедного еще беднее, что касается в первую очередь «бедных рабочих», получающих низкие заработные платы, в частности, МРОТ и ниже (при занятости в неполный рабочий день, например). Кроме того, такой подход имеет самое непосредственное отношение к проблематике реализации принципа справедливости налогообложения, под которым принято понимать необходимость учитывать при установлении налога фактическую способность лица к его уплате. Очевидно, что истинную платежеспособность лица можно определить, установив размер дохода, оставшегося за вычетом расходов на жизненно необходимые потребности.

Обеспечение социальной справедливости в целом и в конкретных видах общественных отношений крайне важно, потому что она призвана быть «своеобразным защитным свойством общества, сохраняющим и поддерживающим его здоровье» [4]. Основываясь на многочисленных опросах граждан РФ, российские социологи⁴ отмечают рост у россиян за последние несколько лет ощущения несправедливости, повышенный социальный запрос на справедливость и равенство — равенство в большей мере перед законом, чем экономическое. Отсутствие справедливости и равенства называют в числе первых причин демотивации честного образа жизни и добросовестного труда, роста социальной напряженности и проявлений деструктивности, потребности в переменах вплоть до кардинальных. Для опрошенных проблема несправедливости вызывает повышенную озабоченность уже не столько в силу углубляющегося экономического неравенства, а в силу иных причин. Первая кроется в утрате убежденности в наличии реальных возможностей управлять собственной жизнью из-за тотальной зависимости от внешних факторов, начиная с диктата работодателя, качества власти и управления, обеспечения правосудия и действенности законов и заканчивая интересами экономической и политической элит. Вторая — в неравенстве перед законом, который перестает быть единым для всех, что ведет к разделению общества на «своих» и

³ Налоговое право: Учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. — М., 2004. С. 114.

⁴ Выжutowич В. Надо ли бороться с неравенством. Тема с социологом Г. Юдиным // Российская газета. 30 января 2019 г. № 19(7777). С. 9.

«иных», где соблюдать закон должны лишь последние. Такое положение дел расширяет пространство для правового нигилизма. Необязательность для всех соблюдения законов, отсутствие веры в его действенность, скептицизм по поводу возможностей и справедливости правосудия провоцирует даже прежде законопослушных людей на нарушение законов под простым предлогом того, что их массово, и без всяких нежелательных последствий для себя, не соблюдают иные лица, в том числе по причине отсутствия эффективных мер противодействия. Главное же следствие отсутствия изомомии — равенства всех перед законом, углубление неравенства: неравенство перед законом влечет за собой неравенство в возможностях, что приводит к неравенству в результатах. Длительное пребывание общества в таком состоянии приводит к утверждению чувства базовой несправедливости существующего порядка⁴. А это на фоне уменьшения критериев социального равенства приводит к ухудшению социального микро- и макроклимата, разрушению солидарных связей, общественного согласия.

Ситуация пандемии актуализировала именно проблематику неравенства в возможностях, влекущего за собой неравенство в результатах, и лишней раз доказала, насколько сильно оно усугубляется цифровым неравенством. Это известный факт, что длительно существующее противоречие в экстремальных условиях приобретает еще более острую форму, требуя своего разрешения. В условиях преимущественного офлайн существования, где онлайн выступает удобным дополнением к нему, проблема цифрового неравенства просто констатировалась как данность, наравне с другими видами неравенства. В условиях пандемии цифровое неравенство значительно сузило возможности работать, учиться, общаться, взаимодействовать тех лиц, кому блага цифровой цивилизации малодоступны. Общая проблематика неравенства приобрела настолько острый характер, что Генеральный секретарь ООН был вынужден сделать заявление, призвав все страны принять все необходимые меры, чтобы обеспечить полноценный учебный процесс в привычном режиме по той простой причине, что недоступность для огромного числа детей дистанционного обучения лишает их одной из наиболее важных основ преодоления неравенства — получения образования.

Многое в мире цифры быстро устаревают: девайсы, программное обеспечение постоянно совершенствуются, все больше расширяя границы возможного и, что немаловажно, принося значительные прибыли производителям и разработчикам, которые отказываются поддерживать устаревшие технику и программное обеспечение, вынуждая пользователей к постоянному приобретению обновленных моделей. Неизменное удорожание цифровых продуктов приводит к тому, что многое из того, что было доступно, в частности, малообеспеченным слоям населения, станет недоступным, возможности в их приобретении будут сокращены либо вовсе утрачены. Возникнет ситуация сродни депривации, которая порождает по меньшей мере недовольство вследствие утраты доступа к былым благам, пользование которыми прочно вошло в жизнь, сформировало соответствующие привычки, стало необходимым атрибутом, стилем жизни.

Вряд ли такой подход можно считать справедливым.

О том, что цифровое неравенство может иметь мультипликативный эффект, говорят хотя бы следующие факты. Цифровые технологии прочно вошли в жизнь каждого индивида, обеспечивая ему не только удобство, быстроту передачи информации и осуществления взаимодействий, но и расширяя его возможности самореализации и самовыражения. Цифровой имидж приобрел не меньшее, если не большее значение, чем любой другой, тем более что он его не только усиливает, но и позволяет создавать. Всепроникающее присутствие Интернета во всех сферах социальной и личной жизни, разрекламированность преимуществ и небывалых возможностей цифровых технологий, признание цифровой экономики в качестве магистрального курса развития, а цифровых умений и навыков — главными качествами

индивида на пути к успешности — давно сформировавшийся тренд. Есть очевидные и неочевидные последствия игнорирования того факта, что у достаточно большого числа индивидов отсутствует возможность жить в русле этого тренда. Так, как и любая «жизнь за бортом», это ведет к усилению тревожности, страхов, неуверенности в себе и своем будущем; в силу возросшей потребности в понимании и помощи активизируется поиск единомышленников, «сильного плеча»; на фоне углубляющегося неравенства растет ощущение несправедливости существующего порядка вещей, что порождает протестность вплоть до деструктивного инакомыслия и поведения, а также различные формы эскипизма (сектантство, неоязычество).

Наибольшую опасность представляют не только еще не осознанные общественным сознанием последствия, но и криминализация сознания и поведения, распространение идеологии и практики правового нигилизма, порождаемого как фактическим нарушением принципов равенства и справедливости, так субъективным восприятием многих фактов и явлений в качестве несправедливых. В значительной мере этому способствует активное использование криминальными структурами разных мастей силы Интернета и возможностей информационных и коммуникационных технологий, что с неизбежностью требует соответствующего законодательного оформления. В частности, возможности оперирования большими массивами информации, ее широкого тиражирования, перемещения из одного информационного поля в другие придают совсем иное качество агитации и пропаганде. Так, растущая статистика по фактам удаления материалов и блокирования сайтов, содержащих пропаганду наркотиков, стала основанием для внесения предложения о законодательном закреплении понятия «пропаганда наркотиков» в Интернете. После запрета деятельности и признания экстремистским международного движения АУЕ («арестантско-уголовного единства»), скорее всего, последует и введение термина «романтизация и пропаганда воровской идеологии и уголовного образа жизни» как наказуемого деяния. Таким образом признается, что пропаганда в Интернете — это новое качество пропаганды, свойства и последствия которой наглядно иллюстрирует деятельность АУЕ. Статистика, характеризующая деятельность, причем преимущественно в виртуальном пространстве, этой деструктивной сетевой субкультуры, насчитывающей 34 тыс. членов в 40 регионах РФ и имеющей целью пропаганду через Интернет и социальные сети воровских и тюремных понятий, арестантского образа жизни, насилия и ненависти к правоохранительным органам, поражает: во «ВКонтакте» у него 4231 групп с аудиторией более чем в 9 млн подписчиков (на Украине — 1631 групп и более 13 млн пользователей), среди которых 40 % — несовершеннолетние в возрасте от 13 до 17 лет. До ее запрета в августе 2020 года в судебном порядке была прекращена работа 22 площадок в соцсети «ВКонтакте», где состояло 2,5 млн пользователей. С деятельностью АУЕ связывают рост подростковой преступности: в 2019 г. осуждено 11 512 несовершеннолетних, что на 8 % больше, среди них 5303 в возрасте 14–15 лет [5]. Среди причин столь масштабного влияния не только активная пропаганда, агрессивная и жесткая практика вовлечения, но продуманная тактика заверений о наличии у общества огромных связей, влияния, денежных средств для продвижения и защиты интересов своих членов. Последнее весьма актуально в силу роста у современной молодежи, что и констатируют социологи, страхов перед будущим, возможной бедностью, неуспешностью, а у подростков — страхов выглядеть в глазах других «неполноценными» в силу отсутствия тех или иных атрибутов благополучия. Продуманная тактика и отработанная практика манипулирования, умелая эксплуатация страхов, их постоянная актуализация и вкуче с эффективным использованием новых форм коммуникаций вполне могли дать такой эффект.

В реалиях эпохи цифры самым опасным пороком информации стала ее оторванность от реальности, правдивости, истинности, что имеет самое непосредственное отношение к понятию справедливости и реализации принципа справедливости. «Справедливость как особое

качественное состояние общественной жизни не может быть достигнута без поисков и установления истины тех социальных явлений, которые подвергаются познанию и нравственной оценке... Истинность раскрывается в сфере права через показатели ... реальности, правильности, достоверности, обоснованности», точности. Ее постижение требует изучения фактических обстоятельств и обеспечения соответствия человеческих знаний объективной реальности [6].

Обратим внимание на некоторые особенности движения информации в пространстве Интернета. Эпоха Интернета наделила каждого индивида практически неограниченными правами высказывать собственную точку зрения, производить, получать, хранить, накапливать и передавать незапрещенную законом информацию. Условия анонимности, скрытности предоставляют самые широкие возможности для производства и распространения информации с разной долей лжи — фантазий, вымыслов, слухов, домыслов, оговоров, полуправды, фейков и т. п. При отсутствии действенных нравственных и правовых запретов произвольного обращения с информацией на основе одной информации возможно конструирование новой информации путем, например, тенденциозной интерпретации, смешения лжи и правды, фальсификации, изъятия из первоначального контекста и помещения в другой. Как и любая иная информация, такая информация свободно двигается, произвольно и целенаправленно накапливается, не будучи проверяемой на предмет соответствия действительности, бесконечно долго хранится, не уничтожается, а значит, подвергается анализу, участвует в формировании знаний, образов, стереотипов. Бум и востребованность баз данных, оперирование которыми имеет массу преимуществ, при отсутствии у лица возможности обеспечить сбор, хранение и распространение достоверной о нем информации чреват массовым нарушением прав физических и юридических лиц.

Недостоверная, лживая информация, полуправда, явный вымысел — реальность, вышедшая далеко за пределы Интернет-пространства. И показания одного из экспертов стороны защиты в деле М. Ефремова, вполне серьезно заявившем в суде о том, что компьютер машины М. Ефремова «атаковали» и управляли им извне, в этом смысле весьма показательны. Любые формы искажения действительности, не говоря уже о ситуации массового оперирования неправдивой информацией, препятствуют реализации принципа справедливости, основывающегося на истинном положении вещей, и осложняют осуществления правосудия. «Справедливость — это такое свойство юридического решения, при котором оно адекватно сложившимся обстоятельствам и социально значимым качествам тех лиц, чьи интересы затрагиваются», поэтому установление истины — предпосылка к установлению справедливости [7].

Проблематику социальной справедливости нельзя рассматривать вне морально-нравственного контекста: справедливость — это правовая, социальная и нравственная категория, основополагающий нравственный принцип, заключающий в себе «морально обоснованное представление общества о соразмерности взаимосвязи деяний, явлений и интересов» [8]. Разделяемый большинством членов общества, адекватно отраженный в законодательстве и последовательно применяемый на практике, он придает механизмам социального и правового регулирования нравственно-обоснованный характер. В условиях подрыва морально-нравственных основ, снижения регулятивной функции моральных принципов, морального контроля и самоконтроля, размывания моральных и эстетических регуляторов поведения, что и характерно для современного общества, рост несправедливости, деградация справедливости может являться следствием деградации морали. Ведь содержание понятия справедливости не имеет неизменного характера, на каждом данном этапе общественного развития оно зависит от конкретно-исторического, социального, экономического, идейно-ценностного, нравственного контекста и формируется в соответствии с ним. Но, с другой стороны, снижение значимости моральных регуляторов в разы усиливает

регуляторную роль правовых механизмов, особенно в части реализации принципа справедливости. Рассуждая по поводу взаимосвязи права и нравственности в контексте справедливости, Н.О. Исмаилов приходит к выводу, с которым мы склонны согласиться: «Право можно считать более надежным гарантом справедливости, чем нравственность», деградация нравов, неправильное понимание свободы, безответственность, падение культуры усиливают значение правового регулирования, особенно принципа справедливости как меры свободы [9].

При всей правомерности утверждения о том, что все многообразие социальных отношений невозможно регулировать исключительно правовыми методами, они должны сочетаться с нравственным, идеологическим, общекультурным воздействием. Заметим, что в деле пресечения беззакония, вседозволенности, установления неотвратимости наказания и обеспечения правосудия, которые губительно воздействуют на человеческие нравы и еще больше подрывают моральные основы общества, право, основанное на приоритете принципа справедливости, играет важнейшую роль. В условиях всеобъемлющей конкуренции, ограниченного доступа к ресурсам — природным, финансовым, властным, а теперь еще и цифровым, что повышает востребованность социально-экономических прав индивида, — реализация принципа справедливости как нельзя актуальна. А это в свою очередь возвращает нас к давней дискуссии о целесообразности законодательного закрепления содержания принципа справедливости.

Как известно, основное свойство справедливости — выступать как мера соотношения между правами и обязанностями, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием и т. д. Для того, чтобы это качество справедливости в полной мере нашло отражение в праве в целом и в нормативно-правовом акте, регулирующем определенную группу общественных отношений, одного лишь упоминания термина «справедливость» недостаточно. Во-первых, при законодательном определении содержания термина «справедливость» необходимо обеспечить его социально-экономическое обоснование. Оно должно отражать объективные потребности общественного развития, учитывать оптимальное соотношение интересов участников общественных отношений, государства, индивида, их защищенность. Во-вторых, признание справедливости в качестве принципа правового регулирования требует последовательной реализации этого принципа в каждой норме закона, в каждой последующей новации, что крайне актуально в современных условиях, когда практика принятия нововведений, идущих вразрез с правовыми принципами и оправдываемых остротой проблематики и необходимостью ее скорейшего разрешения, получает все большее распространение. Самым ярким тому примером является применение (в нарушение принципов справедливости, обязательности и всеобщности) льготных мер стимулирующего характера в отношении неплательщиков налогов. Речь идет о введении для самозанятых с целью «вывода их из тени», т. е. для лиц, длительное время уклонявшихся от уплаты налогов, специального налогового режима — «Налогов на профессиональный доход» со сниженной ставкой, упрощенным порядком уплаты и осуществления налогового контроля при отсутствии таких льгот у добросовестных плательщиков НДФЛ, что поставило их в худшее положение, чем неплательщиков. В-третьих, приведенный пример подчеркивает необходимость формулирования принципа справедливости в контексте иных принципов, положенных в основу правового регулирования той или иной группы отношений. В данном случае — в контексте принципа равенства, обязательности: принцип справедливости не предполагает установления равенства между плательщиком и неплательщиком налогов, лицо, надлежащим образом исполняющее налоговую обязанность, должно быть поставлено в лучшее положение и иметь приоритет в первую очередь при наделении налоговыми льготами.

При таком высоком общественном запросе на справедливость обращает на себя внимание тот факт, что столь широко используемый во всех отраслях права и упоминаемый во

многих нормативно-правовых актах принцип справедливости так и не имеет своего правового определения ни в одном из них. Это усложняет правотворчество и правоприменение, требует не только специальных разъяснений, толкований и трактовок, но и специальных знаний (в силу недоступности для понимания не сведущими в праве лицами). Для принципа справедливости это, на наш взгляд, очень существенный недостаток, ибо обычный человек лишен возможности знать точно, на какую справедливость он вправе рассчитывать. Как правило, принцип справедливости в большинстве нормативно-правовых актов лишь поименован и, не будучи сформулированным в законе, предполагается не буквой, а духом закона, что опять же доступно лишь специалистам в конкретной области права. Другая особенность заключается в том, что для каждой отрасли права справедливость может трактоваться узко или расширительно как совокупность иных принципов или как часть какого-то принципа, например, «конституционного принципа равенства, который в этой сфере (в сфере налогообложения — прим. автора) понимается прежде всего как равномерность, нейтральность и справедливость»⁵.

В силу этих и иных особенностей, а также по причине объективной сложности дать универсальное для всех видов общественных отношений, точное, четкое, емкое определение как самой справедливости, так и принципа справедливости, рассматривая этот вопрос в контексте давних дискуссий по поводу возможных вариантов [10], наиболее целесообразным представляется следующий вариант законодательного закрепления принципа справедливости: в общеправовом виде сформулировать в Конституции РФ и в конкретизированном — в отраслевом законодательстве. Приведем несколько аргументов в пользу такого подхода. О необходимости правового закрепления в Конституции РФ вряд ли следует говорить, содержание настоящей статьи — тому подтверждение. Что касается отраслевого законодательства, то необходимость четко выраженного приоритета, ориентира, формирующего сущность правовой концепции, указывающего на результат правоприменения и задающего цель, магистральное направление совершенствования, важна еще в большей степени. Для доказательности тезиса обратимся хотя бы к одному примеру.

Учитывая тот факт, что согласно внесенным в Конституцию РФ изменениям (что и подчеркивает особую важность защиты интересов граждан РФ в этой сфере), пенсионное обеспечение в РФ исходит из принципов всеобщности, солидарности поколений и справедливости. Приведем несколько фактов, чтобы доказать, насколько актуально для пенсионного законодательства правовое закрепление содержания принципа справедливости. В РФ действуют три системы пенсионного обеспечения — страховая, государственная и социальная (несмотря на тот факт, что она является разновидностью государственной, мы выделяем ее отдельно), сильно отличающихся по качеству правового обеспечения интересов граждан РФ. Менее всего защищены те из них, кто, будучи застрахованными лицами, реализует свои пенсионные права через систему страховых пенсий. Балльная система исчисления страховых пенсий непрозрачна, непонятна, запутанна, размер пенсий непредсказуем на длительную перспективу, потому что поставлен в зависимость от ежегодно определяемой стоимости одного балла. Количество баллов, индивидуальный пенсионный коэффициент, представляет собой параметр, выраженный не в абсолютных единицах (совокупность уплаченных страховых взносов), а в относительных единицах. Формируясь с учетом начисленных и уплаченных в Пенсионный фонд РФ страховых взносов, они и отражают пенсионные права застрахованного лица на страховую пенсию. И это указывает на еще один весьма существенный недостаток. С 2015 г. не трудовой, а страховой стаж стал одним из

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений подпункта 3 пункта 8 статьи 346.43, статьи 346.47 и пункта 1 статьи 346.48 Налогового кодекса Российской Федерации, а также положений Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» в связи с жалобой гр. С.А. Глухова от 6 июня 2019 г. // Российская газета. 19 июня 2019 г. № 130(7888). С. 15.

условий получения страховой пенсии. Исходя из его определения: страховой стаж — это период трудовой деятельности лица, в течение которого исчислялись и уплачивались страховые взносы⁶, заметим, что права застрахованных лиц поставлены в зависимость от исчисления и уплаты страховых взносов, что является обязанностью работодателей. При этом законодатель опускает из вида тот факт, что страховые взносы не только подлежат уплате, но и взысканию в случае неуплаты, т. е. взимаются, как это и указано в Налоговом кодексе РФ. Таким образом, права застрахованных лиц в нарушение законодательства об обязательных налоговых платежах заведомо поставлены в зависимость только от уплаты, что позволяет в случае неуплаты, не обеспеченной взысканием, не включать этот период трудовой деятельности в страховой стаж. В такой ситуации, когда права застрахованного лица находятся в прямой зависимости от исполнения иными лицами обязанности по уплате и взысканию страховых взносов, при этом застрахованное лицо не имеет никаких правовых средств воздействия на ситуацию неисполнения страхователем или налоговым органом их обязанностей, вряд ли можно говорить о действии принципа справедливости. Несправедливость такого подхода становится еще более очевидной, если рассматривать ее в сравнении с правовой конструкцией системы государственных пенсий, где пенсия исчисляется, исходя из оклада (годового содержания), с учетом размера трудового стажа, где факт превышения размера трудового стажа сверх предусмотренного законом является основанием для повышения размера пенсии. Как видим, необходимость законодательного оформления содержания принципа справедливости для пенсионного законодательства имеет крайне актуальный характер.

И, наконец, заметим, что с закреплением содержания принципа справедливости на данном этапе проблематика не будет решена в принципе по той простой причине, что понятие справедливости эволюционирует, изменяется, находясь в зависимости как от общественного развития, так и уровня правосознания индивидов. В силу этого вопрос формулирования и реализации принципа справедливости останется актуальным в любых условиях, равно как и проблема его корректировки сообразно им.

⁶ Федеральный закон от 28.12.2013 г. №400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 6965.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/205329.html>.
2. Фаляхов Р. Бедность в России: десятки миллионов за чертой // Газета.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/05/09/11745109.shtml>.
3. Исаева А.С., Капкаев Ю.Ш. Феномен «бедных рабочих» // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 14. Экономические науки. Вып. 59. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-bednyh-rabochih>.
4. Анисимов А.С., Агеева М.А. Понятие справедливости в современной социологии // Сервис в России и зарубежом. 2012. № 5(32). С. 249–306. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-spravedlivosti-v-sovremennoy-sotsiologii>.
5. Костенко В. АУЁкнулось: почему приверженцев воровской идеологии признали экстремистами» // Известия. 18.06.2020. № 113. Электронный ресурс. URL: <http://iz.ru/newspaper/no113-18-avgusta-2020-goda>.
6. Вопленко Н.Н. Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istina-i-spravedlivost-problemy-vzaimosvyazi-2>.
7. Ветютнев Ю.Ю. Правовые ценности // Проблемы теории государства и права. — М., 2012. С. 133.
8. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в российском праве // Социально-экономические явления и процессы. Серия «Право». 2014. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-spravedlivosti-v-rossiyskom-prave>.
9. Исмаилов Н.О. Взаимосвязь права и нравственности в контексте справедливости // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-prava-i-nravstvennosti-v-kontekste-spravedlivosti>.
10. Мутасова М.А. Проблема законодательного закрепления принципа справедливости // Социально-экономические явления и процессы. Серия «Право». 2015. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zakonodatelnogo-zakrepleniya-printsiipa-spravedlivosti>.

Napso Maryana Bakhsetovna
North-Caucasus State Academy, Cherkessk, Russia
E-mail: napso.maryana@mail.ru

Calls and threats of the digital reality: to the question on realization of principles of equality and justice

Abstract. In modern conditions that numerous sociological polls, the official statistics and official statements confirm, the problem of overcoming of poverty, social injustice and an inequality has actual character, not only being projected on the world virtual, but also being aggravated with its calls. Owing to doubtless scientific interest of a problematics of realisation of principles of equality and justice in the conditions of a digital epoch the author considers it from the various points of view: (1) in unity with a problematics of poverty and legal categories of a living wage having a direct bearing on it, the minimum wage rate and the taxation of persons, its receiving; (2) from the point of view of the increased requirement in isonomies and social justice; (3) in realities of information and propaganda boom, the pandemics, a going deep digital inequality; (4) in interrelation of categories of justice and the validity, authenticity, reliability, in particular, the information made, stored and extended on the Internet; (5) in a context of moral aspects online- and offline-lives; (6) through a prism of a problematics of legislative fastening of the maintenance of a principle of justice. According to the author, the increased inquiry on isonomy and justice is a consequence of that poverty, various forms of an inequality and plurality of displays of social injustice in physical space are reproduced in space virtual. The digital inequality in conditions всепроникающего presence of the Internet at all spheres social and private life, the broadest possibilities of digital technologies, a recognition of digital economy as the main course of development, and digital skills — the main qualities of the individual is fraught with weight of the consequences peculiar to life behind a board of the generated trend. In view of and other problems of a digital epoch directly related to concept of justice, namely: isolation of the information from a reality, truthfulness, reliability, and also morals degradation, its decrease регулятивной functions, washing out of moral and aesthetic regulators of behaviour — the author comes to a conclusion that crucial importance in such situation gets the right based on a priority of a principle of justice that staticizes a problem of legislative fastening of the maintenance of a principle of justice. The author is convinced that the most expedient variant of legislative fastening of a principle of justice is its formulation in *общеправовом* a kind in the Constitution of the Russian Federation and in concretised — in the branch legislation. Leaning against pressing questions in the field of the taxation and provision of pensions, it results arguments in favour of such approach.

Keywords: a digital epoch; the information; the digital rights; a digital inequality; a pandemic; poverty; equality; isonomy; justice; a justice principle; the fair taxation; fair provision of pensions